

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(38)

doi: 10.26907/2541-7738.2023.4-5.54-65

МЕТАФОРА ЯРМА В ДРЕВНЕМ МИРЕ: ОТ СИМВОЛА ИМПЕРСКОГО ГОСПОДСТВА ДО СИМВОЛА ПОДЧИНЕНИЯ

Э.В. Рунг^{1,2}, Е.А. Венедиктова²

¹Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, 125047, Россия

²Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье рассмотрено восприятие ярма как символа господства и подчинения в текстах с территории Древней Месопотамии и Ближнего Востока, а также в произведениях древнегреческих и древнеримских авторов. Предложено взглянуть на метафору ярма как со стороны завоевателей, так и со стороны подчинившихся. В текстах ассирийских царей завоевание рассматривается как наложение ярма, а борьба за возвращение независимости – как освобождение от ярма. Наконец, продемонстрировано, что в древнегреческой традиции метафора ярма применяется чаще всего в контексте описания античными авторами греко-персидского конфликта, что может объясняться заимствованием греками этого концепта с Востока. В ряде случаев ярмо не только выступает в качестве метафоры, означающей подчинение, но и используется в конкретной военно-политической практике.

Ключевые слова: ярмо, хомут, господство, подчинение, империя

Обращаясь к теме восприятия имперской внешней политики, в исторической памяти древних народов следует выделить несколько аспектов, обозначающих эту политику на риторическом, символическом и/или метафорическом уровнях. Особенно интересен тот факт, что символом завоевания на Древнем Ближнем Востоке и в античном мире часто выступает копые, а метафорой господства и подчинения – ярмо. К последнему мы и обратимся в данной статье.

Ярмо, имевшее вид деревянного хомута, выступает средством обуздания и управления прирученных человеком животных, в частности крупного рогатого скота или лошади. Наименования обозначенного предмета в разных языках соотносятся с общим индоевропейским корнем и обозначаются древнегреческим словом ζυγόν, латинским *jugum*, древнерусским *уго*, древнеиндийским *yugam*, хеттским *iugan* и т. д. По корню перечисленные слова связаны с глаголом, выражающим значение «соединять», «сочетать», «связывать» (напр. лат. *jungo* – «соединять») [1, с. 334]. Однако уже в древности ярмо становится символическим обозначением подчинения, и такое значение сохраняется за этим словом и поныне [2, с. 472].

Латинское выражение *sub jugum* – «под ярмом» – стало устойчивой метафорой позорного подчинения в древнеримском мире, глагол *subjugo* означает «прогонять под игом/ярмом», «подчинять, покорять, поработать», существительное

subjugatio переводится как «порабощение, покорение» (причем из латыни данные слова перешли и в современные европейские языки) [3, с. 566, 964].

Между тем истоки восприятия ярма как метафоры подчинения восходят к истории Древнего Ближнего Востока. На аккадском языке «ярмо» звучит как *abšānu* [4, p. 65] или *nīru* [5, p. 260–265], но часто записывается при помощи логограммы GIŠ.ŠUDUN, где GIŠ – детерминатив, служащий для обозначения предметов, сделанных из дерева. Однако образ ярма стал использоваться в качестве метафоры политического подчинения во второй половине II тыс. до н. э. До этого времени слово со значением «ярмо», хотя и встречалось в текстах с территории Месопотамии, всегда употреблялось в своем первоначальном смысле для обозначения хомута волов. Обстоятельства, при которых изучаемая лексема стала использоваться в метафорическом значении, точно установить невозможно. «Теологический словарь Ветхого Завета» ссылается на вавилонский миф о сотворении человека, в котором отмечается, что Мардук создал людей, чтобы они несли ярмо, то есть служили Мардуку, а не другим богам [6, p. 72]. В этом же словаре приводится объяснение того, почему ярмо стало символом подчинения именно в Месопотамии, а не в Египте: «Эта религиозно-политическая метафора не найдена в Египте, так как, по мнению египтян, стабильность мира зависела не от подчинения народа царю и подчинения царя богам, а от присутствия царя, который также был богом»¹ [6, p. 72]. Дадим возможность египтологам судить о том, насколько верно это утверждение. Примечательно, однако, свидетельство Диодора Сицилийского (в контексте его обращения к легендарной истории Египта в его первой книге) о том, что фараон Сесоосис (Сесострис) впрягал в колесницу под ярмо правителей подчиненных ему государств: «Но всякий раз, когда он желал выехать в храм или в город, то выпрягал из своей четверки коней и вместо них впрягал царей и иных правителей, показывая всем тем самым, как он полагал, что в битве за доблесть он победил самых лучших и отличающихся смелостью и нет противника, могущего с ним сравниться» (Diod. I. 58. 2). Можно предположить, что данный отрывок, если имеет под собой основания, свидетельствует о попытке египтян буквально перенять ассирийскую практику помещения под хомут царской колесницы пленных правителей (об этой практике см. [7, p. 249; 8, p. 71]). Скептическое отношение к достоверности этого сообщения, переданного также в более обобщенном виде Иоанном Цецем (FGrHist. 688. F. 69), выражает И.А. Ладынин. По мнению исследователя, здесь «мы видим реальные ассирийские реминисценции, которые, в их перенесении на великого египетского царя- завоевателя, призваны представить его как создателя переднеазиатской межрегиональной государственности» [9, с. 153].

Однако тот факт, что египетские цари могли реально знать о значении метафоры ярма в Передней Азии, следует из данных Амарнского дипломатического архива. Здесь ярмо как символ подчинения упоминается в двух письмах к фараону неких подчиненных ему правителей Палестины (Бааль-Мехера и Яатири): «И теперь я поместил свою шею под ярмо, которое я несу, так что пусть царь, мой господин, оценит, что я служу ему очень преданно и его город служит ему»² (EA 257); «И теперь я поместил свою шею под ярмо, и я несу его». (EA 296). Эти письма являются

¹ Перевод с английского языка здесь и далее наш. – Э.Р., Е.В.

² Перевод с аккадского языка здесь и далее наш. – Э.Р., Е.В.

наиболее значимым свидетельством того, что восприятие ярма верноподданными лишено было еще каких бы то ни было негативных коннотаций.

Однако в большинстве своем тексты из Месопотамии свидетельствуют о восприятии ярма как символа покорения непосредственно со стороны завоевателей-ассирийцев. Как можно судить по корпусам надписей из Ассирии, выражение «ярмо моего господства» (*ni-ir be-lu-ti-ia*) встречается в текстах царей среднеассирийского периода, Тукульти-Нинурты I (1244–1207 гг. до н. э.) и Тиглатпаласара I (1115–1076 гг. до н. э.). В своей надписи Тукульти-Нинурта I сообщает о покорении враждебных правителей следующим образом: «Я наложил на них ярмо моего господства» (RIMA. I: A.0.78. Col. iii, 4). В надписях Тиглатпаласара I заявлено, что этот царь подчинял города и страны и также накладывал на них тяжелое ярмо своего господства (RIMA. II: A.0.87. Col. i, 54, 93; ii, 85). Повторяющееся выражение «тяжелое ярмо моего господства» (*ni-ir EN-ti-ia DUGUD*) является образным обозначением территориальной экспансии этого ассирийского царя. В одном из его текстов отмечается, что он «наложил тяжелое ярмо своего господства» на враждебные города и сделал их подданными бога Ашшура (RIMA. II: A.0.87. Col. ii, 85). По словам Дж. Постгейта, впервые со времени Тиглатпаласара I ясно засвидетельствована регулярная практика взимания ассирийским царем ежегодной дани с тех, кто «несет ярмо Ашшура» [10, p. 253–254].

В надписях ассирийских царей новоассирийского периода символическое значение ярма встречается уже намного чаще и в иных контекстах. В надписях Тиглатпаласара III (745–727 гг. до н. э.) уже упоминается о ярме бога Ашшура (*ni-ir^a aš-šur*) (RINAP. I: 5, 11; 42, 37'–38'), а в текстах Саргона II (722–705 гг. до н. э.) восстание народов против ассирийского господства, в частности, описывается как сбрасывание ярма бога Ашшура (RINAP. II: 1, 20, 189; 2, 222; 7, 22, 55; 65, 80), а завоевание – как, напротив, наложение ярма бога Ашшура (RINAP. II: 1, 76; 8, 8, 20; 9, 15; 13, 18; 77, 24'; 88, 6'; 111, 31) или подчинение ярму бога Ашшура (RINAP. II: 63, 15'; 82, 13'''). Нахождение же во власти ассирийского царя описывается как то, что тот или иной народ, город или правитель несут ярмо бога Ашшура (RINAP. II: 7, 70). Отсылка к ярму бога Ашшура вполне соответствовала сакральному статусу ассирийских царей, которые мыслили себя носителями власти, данной им этим богом. Однако наряду с этим встречаются и более традиционные упоминания о завоеваниях ассирийцев (без ссылки на бога Ашшура): «на них я наложил ярмо моего господства» (RINAP. II: 7, 22; 8, 27; 10, 22; 12, 17–18, 23; 13, 88–89; 42, 18–19; 74, 74–75; 83, ii', 10–11; 116, 36); «ярмо моего господства я наложил» (RINAP. II: 7, 116); «ярмо моего господства он несет» (RINAP. II: 7, 36); «ярму моего господства подчинились» (RINAP. II: 12, 37–38); «сбросили ярмо моего господства» (RINAP. II: 65, 346). М. Ливерани справедливо полагает, что выражение «наложить ярмо Ашшура» (или «ярмо господства» царя) является метафорой, намекающей на установление даннической зависимости и трудовой повинности (*taxation and forced labor*) покоренного населения [11, p. 539]. В надписях Синнахериба (705–681 гг. до н. э.), помимо прочего, описывается положение враждебных стран или царей как не склонившихся под его ярмо (RINAP. III: 1, 62, 71; 2, 18, 42; 3, 18, 42' 4, 39, 69; 15, iv, 7; v, 45; 16, iii, 75; iv, 77; v, 68–69; 17, ii, 88; 17, iv, 23–24; v, 54; 18, ii, 1''–2''; iii, 16, 4''; 22, ii, 61–62; iii, 19, 79; 23, ii, 58; iii, 16–17'; 46, 20, 27–28, 38; 140, r, 13; 142, o, 4') и, наоборот, покоренных

военной силой – как склонившихся под его ярмо (RINAP. III: 2, 33; 3, 33; 4, 31; 15, ii, 37'; 16, ii, 74–75; 17, ii, 56–57; iii, 39; 22, ii, 36; 23, ii, 34; iii, 70; 36, r, 2'; 46, 17; 140, o, 14'). В текстах Асархаддона (680–669 гг. до н. э.) снова появляются упоминания ярма бога Ашшура: «сбросил ярмо бога Ашшура» (RINAP. IV: 1, ii, 67; 6, ii, 12'); «ярмо Ашшура, моего господина, он сбросил» (RINAP. IV: 34, o, 14'); «я наложил на них ярмо бога Ашшура, моего господина» (RINAP. IV: 60, o, 15'). В текстах Ашшурбанипала (669–627 гг. до н. э.) отсылка к ярму становится, пожалуй, самой частотной по сравнению с надписями его предшественников. Это может быть непосредственно связано с завершением оформления при этом царе имперской идеологии Ассирии, когда такой символ подчинения, как ярмо, вполне осознанно становится идеологемой. Она употребляется в нескольких контекстах. Во-первых, покоренные народы описываются как склонившиеся под ярмо царя: «под ярмо я заставил их склониться» (RINAP. V/1: 3, ii, 49; 4, ii, 22'; 6, iii, 72; 7, iii, 28; 9, i, 61; 11, ii, 55); «я заставил его/их склониться под мое ярмо» (RINAP. V/1: 7, i, 98'; 11, x, 20, 37; 12, ii, 20'); «они (он) склонились/склонился под мое ярмо» (RINAP. V/1: 3, ii, 69; iii, 83; 6, iv, 78'; 7, iv, 46'; 8, iii, 23'; iv, 5'; 9, ii, 44; 11, iii, 16; v, 92); «они склонились под мое ярмо» (RINAP. V/1: 3, v, 96; 4, ii, 42'; iii, 5'; v, 58'; 7, vi, 9'). Во-вторых, непокоренные народы обозначаются как не склонившиеся под ярмо царя: «они не склонились под мое ярмо» (RINAP. V/1: 3, vi, 13; 4, vi, 16; 6, vii, 15; 8, vii, 15'; 9, iv, 43); «царям, моим предкам, он не склонился под ярмо» (RINAP. V/1: 3, iii, 7–8; 4, iii, 1–2; 6, iv, 11; 7, iii, 34; 9, i, 61; 11, ii, 64). В-третьих, восставшие народы и правители обозначаются как те, кто сбросил ярмо царя: «он (они) сбросил(и) ярмо моего господства» (RINAP. V/1: 3, iv, 2; vii, 83; 55; 4, iv, 24'; vii, 88; 6, v, 8, 80; 7, iv, 62'; v, 23; vii, 43; 11, ii, 115; vii, 19, 87); «я ярмо Ашшура, которое они сбросили, наложил» (RINAP. V/1: 11, iv, 103); «он сбросил ярмо господства, которое Ашшур наложил на него и которое он тянет» (RINAP. V/1: 11, vii, 87–88). Особо выразительно в текстах Ашшурбанипала описывается подчинение ближневосточных правителей:

«Царьки (*ma-al-ki*) (которые живут) в середине моря и цари (LUGAL.MEŠ), которые живут на высоких горах, увидели мощь этих моих дел и испугались моего могущества. Якин-лу, царь страны Арвад [Арад], Мугаллу, царь страны Табал и Санда-шарме из страны Хилакку, которые не поклонились царям, моим предкам, склонились под мое ярмо (GIŠ.ŠUDUN-ia). Они доставили своих дочерей, свое собственное потомство, в Ниневию для выполнения работы в домах, вместе со значительным приданым и большим брачным даром, и они поцеловали мои ноги» (RINAP V/1: 3, ii, 63–74).

При этом завоевательная идеология Ассирии уже в меньшей степени требует религиозного оправдания, а потому упоминание ярма бога Ашшура, хотя и встречается, но очень редко, и может рассматриваться как реликт прошлого, характерный для надписей Саргона II. Примечательно, что среди нововавилонских текстов метафора ярма встречается единожды в Цилиндре Набонида, последнего царя Вавилона, но в очень характерном контексте:

«Пусть мои враги трепещут при простом упоминании моего значимого имени. Пусть они склоняются к моим ногам, пусть несут мое ярмо до конца своих дней и пусть приносят свои значительные подати в город Вавилон передо мной» (RINBE. II: 25, ii, 44–46).

Таким образом, в Ассирии символическое значение ярма, будучи важным элементом имперской идеологии и пропаганды со стороны завоевателей, не имело еще негативных коннотаций, какие она приобретет позднее.

В Передней Азии же появление подобных негативных коннотаций связано с пропагандой Кира Великого, который в своем Цилиндре объявил о «мирном» освобождении Вавилона от ярма Набонида: «Каждый день он причинял еще больше зла городу (священного Мардука). [...] Он истязал] его [людей], навел на всех их разорение ярмом (*i-na ab-ša-a-ni*) без облегчения» (Cylinder, 8); «Народу Вавилона, на который Набонид наложил невыносимое ярмо (*ab-ša-a-ni*) против воли богов, я принес облегчение их истощению и покончил с их тяжелым трудом» (Cylinder, 26). Идеология Кира, построенная на отрицании завоевательной идеологии ассиро-вавилонских царей, возможно, проводит и к отказу от употребления слова «ярмо» в текстах последующих ахеменидских царей.

Можно предположить персидское влияние на греков при появлении у них в негативном контексте метафорического обозначения завоевания как наложения ярма. Греки могли впервые познакомиться с ярмом как символом покорения еще до персов, в ходе взаимодействия со странами Ближнего Востока, но в контексте Греко-персидских войн метафора ярма приобретает негативные коннотации. У греков эта фигура речи существовала в нескольких лексических вариациях: ζεύγμα, ζεύγη, ζεύγος, ζυγός и ζυγόν [12, с. 732–733, 737]. Глагол ζυγώω означает «соединять ярмом» («подчинять», «покорять») [12, с. 737].

Гомер, по-видимому, не использовал еще слово «ярмо» в метафорическом значении, поскольку все случаи употребления им этого и синонимичных лексем связаны с тягловыми животными – лошадьми или волами. Впервые, по всей видимости, метафорическое значение у слова «ярмо» появляется в стихах Феогнида Мегарского, греческого поэта конца VI – начала V в. до н. э. Сами слова ζυγόν и ζεύγη встречаются в элегиях Феогнида дважды. В первом случае делается отсылка к установлению тирании: «Пятой ступи на глупый народ, стрекалом бей / острым, тяжелое наложи ярмо» (Λὰξ ἐπίβα δῆμῳ κενεόφρονι, τύπτε δὲ κέντροι / ὀξεί καὶ ζεύγη δύσλοφον ἀμφίτιθει) (Theog. Fr. 847–850). Во втором случае Феогнид, говоря о ярме, имел в виду именно лидийскую монархию, что становится очевидным из следующего фрагмента: «Никогда врагам шеи не подставляй под ярмо / тяжелое, хоть Тмол над головой нависни» (Οὐποτε τοῖσ' ἐχθροῖσιν ὑπὸ ζυγὸν ἀρχένα θήσω / δύσλοφον, οὐδ' εἴ μοι Τμῶλος ἔλεστι κάρηι) (Theog. Fr. 1023–1024). В этом фрагменте определенно говорится о врагах греков, а упоминание горы Тмола прямо ассоциируется с Лидией. Характерно, что у Феогнида в эпическом стиле дважды слово «ярмо» используется с эпитетом «тяжелое (для шеи)» (δύσλοφος, λόφος – означает «шея», «затылок»), иногда употребляемым в переносном смысле, то есть «невыносимое, мучительное». И вот здесь мы можем вспомнить, что ассирийские правители использовали выражение «тяжелое ярмо моего господства».

Однако далее «ярмо» в метафорическом значении неоднократно используется применительно к Греко-персидским войнам, сначала в «Персах» Эсхила и затем уже в труде Геродота. В этой связи появляется новый эпитет для характеристики ярма – «рабское ярмо» (δούλος ζυγός), поскольку греки описывали покорение их персами при помощи глагола δουλόω – «порабощать», называя подданных персидского монарха «рабами царя» [13]. Эсхил видит цель похо-

да Ксеркса в намерении наложить «рабское ярмо» на Элладу: ζυγὸν ἀμφιβαλεῖν δοῦλιον Ἑλλάδι (Aesch. Pers. 50). Геродот словами самого Ксеркса, характеризуя предназначение его экспедиции, употребляет определение «рабское (ярмо)» (δοῦλιος ζυγός): «Не остается больше ни одного города и народа на свете, который осмелился бы восстать против нас, когда мы разделаемся с теми, о которых я сказал. Так мы наложим и на виновных перед нами, и на невиновных ярмо рабства» (Hdt. VII. 8) [14, p. 57–59]. Таким образом, важный образ, часто встречающийся в «Персах» Эсхила, – это образ ярма (ζυγός) [15, p. 167]. Кроме названного примера (Aesch. Pers. 50, 594), афинский драматург употребляет слово ζυγός в связи с упоминанием составленного из лодок моста, посредством которого Ксеркс соединил оба берега пролива Геллеспонт (Aesch. Pers. 72).

В последнем примере применительно к Геллеспонту «ярмо» употребляется в метафорическом смысле. Эсхил (Aesch. Pers. 750) подчеркивает «нечестие» Ксеркса, граничащее с безумием (νόσος φρενῶν) в эпизоде у Геллеспонта: царь обуздал пролив ярмом (букв. «набросил ярмо на горло понта» – ζυγὸν ἀμφιβάλων αὐχένι πόντου (Aesch. Pers. 72)), наложил на него, как на строптивного раба, железные оковы (πέδαϊς σφυρηλάτοις (Aesch. Pers. 747)), тем самым намереваясь одолеть Посейдона.

А. Дан рассматривает греческое и персидское отношение к «обузданию» Геллеспонта. Она доказывает, что, если для греков «наказание Боспора» было оскорблением божества, то для персов, напротив, это было обузданием злого демона, который попытался помешать Ксерксу в завоевании мира [16]. Согласно Геродоту (Hdt. VII. 8, 10), Ксеркс объявил о намерении, «связав» Геллеспонт мостом (ζεύξας τὸν Ἑλλήσποντον), повести войско в Элладу, и в этом он сравнивается со своим отцом Дарием, который «связал» мостом Боспор Фракийский (ζεύξας Βόσπορον τὸν Θρηάκιον) во время похода против скифов (Hdt. VII. 23). Далее следует хрестоматийный сюжет о том, как Ксеркс «высек море», затем приказал погрузить в море пару оков (πέδέων ζεύγος) и заклеить воды клеймом (Hdt. VII. 35).

Наиболее выразительно образ ярма как символа завоевания присутствует в представлении драматургом Эсхилом так называемого «сна царицы»: Ксеркс поместил под ярмо (ὑπὸ ζεύγυσι) и впряг в одну колесницу женщин, олицетворявших Элладу и Азию, которые до того были в распре (στάσις); одна из женщин, Азия, послушно согласилась находиться под ярмом, другая, Эллада, сбросила упряжь и сломала ярмо (Aesch. Pers. 181–197). Драматург в этом отрывке совмещает значения ярма как конского хомута и как символа подчинения [17, с. 154; 18, с. 126–127]:

«Мне две нарядных женщины привиделись:
 Одна в персидском платье, на другой убор
 Дорийский был, и обе эти нынешних
 И ростом, и чудесной красотой своей
 Превосходили, две единокровные
 Сестры. Одной в Элладе постоянно жить
 Назначен жребий, в варварской стране – другой.
 Узнав, – так мне приснилось, – что какие-то
 Пошли у них раздоры, сын, чтоб спорящих
 Унять и успокоить, в колесницу впряг

Обеих и надел обеим женщинам
 Ярмо на шею. Сбруе этой радуясь,
 Одна из них послушно удила взяла,
 Зато другая, взвившись, упряжь конскую
 Разорвала руками, вожжи сбросила
 И сразу же сломала пополам ярмо».

В IV в. значение ярма как метафоры подчинения уже выходит за пределы контекста Греко-персидских войн. Демосфен цитирует эпитафию, высеченную на камне в память об афинянах, погибших в битве при Херонее, в которой выражение «наложить ярмо на шею» относится к политике Филиппа II по установлению македонской гегемонии в Греции (Dem. XVIII. 289). В начале II в. до н. э. Алкей Мессенский противопоставляет Греко-персидские войны и римскую политику в отношении Греции при Тите Фламинине, который провозгласил освобождение греков от македонского господства (Anth. Pal. XVI. 5) [19, с. 46–47]:

«Некогда Ксеркс приводил на Элладу персидское войско,
 И из Италии Тит войско с собою привел.
 Но если первый стремился ярмо наложить на Европу, –
 Освободить от ярма хочет Элладу второй».

Итак, со времени Феогида Мегарского мы наблюдаем некоторую трансформацию значения слова «ярмо», связанную со сменой эпитетов: если первоначально говорится о «тяжелом» ярме (*ζυγὸν δύσλοφον*), то впоследствии, в контексте Греко-персидских войн и македонского господства, – о «рабском» ярме. Схожую эволюцию «ярмо» как метафора подчинения претерпела в Древней Передней Азии.

О том факте, что в древнеримской культуре ассоциации ярма с идеей подчинения, покорения были довольно сильными, свидетельствуют эпизоды из истории войн римлян с италикками, рассказанные Титом Ливией и другими авторами, причем «ярмо» в понимании италийских народов стало вполне материальным объектом.

Ливий сообщает об унижении эквов после побед римлян над ними: «Война в Тускуле шла несколько месяцев. С частью войска консул осаждал лагерь эквов, другую часть он вверил тускуланцам для отвоевания крепости. Прорваться туда силой так и не удалось, и только голод выгнал врагов оттуда. Доведенных до крайности, их всех – раздетыми и безоружными – провели под ярмом тускуланцы» (Liv. III. 23. 4); «Крови эквов он (диктатор Луций Квинкций Цинциннат) не жаждет, пусть себе уходят, но, чтобы они наконец признали, что покорен и смирен их народ, пройдут они под ярмом. Ярмо это делается из двух копий, воткнутых в землю, и третьего, служащего перекладной. Под таким ярмом и прогнал диктатор эквов» (Liv. III. 28. 10). Дионисий Галикарнасский, ссылаясь на миф о наказании Горация за убийство сестры, объясняет значение обычая проводить под ярмом: «Ведь у римлян существует обычай, по которому всякий раз, когда они одерживают верх над противником и тот складывает оружие, они вбивают в землю два деревянных столба, третий кладут сверху поперек них, а затем проводят под ними пленных, и тех, кто прошел, отпускают на волю к своим. Такое сооружение у римлян зовется игом» (Dion. Hal. Ant. Rom. III. 22. 7).

Вышеописанный римский обычай прогонять под ярмом врагов общеизвестен и находит отражение в сочинениях Цезаря (Caes. BG. I. 7; 12), Саллюстия (Sallust. Jug. 38. 9), Фронтинна (Front. Strat. IV. 1. 19), Флора (Flor. Epit. I. 5. 13),

Тацита (Тас. Ann. XV. 15. 1), Светония (Suet. Nero. 39. 1) и других. По замечанию Арьена ван Лиля, «ритуал прогона под ярмом служил средством унижения пленных врагов без убийства или порабощения их» [20, р. 44]. Если согласиться с этим мнением, то можно сделать вывод, что в римской политической культуре смысл метафоры ярма трансформировался от символа подчинения и порабощения врагов, как это было в Древней Передней Азии и древнегреческом мире, к символу уничтожения их без дальнейших репрессивных действий в отношении военнопленных. Таким образом, рассмотренный материал демонстрирует, что метафора ярма не оставалась неизменной на разных этапах истории Древнего мира и в различных обществах, но, переходя из одного в другое, меняла свое значение. Так, для завоевателей-ассирийцев ярмо было символическим выражением завоевания, для подвластных народов – порабощения; в последнем значении оно появляется в Цилиндре Кира и находит отражение в древнегреческой литературной традиции. В римском обществе метафора ярма, наряду со значением подчинения, приобретает дополнительный уничижительный смысл.

Благодарности. Исследование в части, подготовленной Э.В. Рунгом, выполнено при финансовой поддержке РФФ (проект № 20-18-00374-П, выполняемый на базе ННГУ им. Н.И. Лобачевского).

Источники

- Anth. Pal. – Палатинская антология (Алкей Мессенский) // Греческие эпиграммы (VII век до н. э. – IX век н. э.) / Пер., ст. и прим. Л.В. Блуменау. Ред. и дополн. Ф.А. Петровского. (Серия «Античная литература»). М.-Л.: Academia, 1935. С. 105.
- Aesch. Pers. – *Эсхил. Персы* // *Эсхил. Трагедии* / Пер. С.К. Апта. М.: Искусство, 1978. С. 49–90; *Aeschylus. Persians* / Ed. with an Introduction, Translation and Commentary by E. Hall. Warminster, Wiltshire: Aris & Phillips Ltd., 1996. 212 p.
- Caes. BG – *Цезарь Гай Юлий. Записки о Галльской войне* // *Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о Гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне.* / Пер. и комм. акад. М.М. Покровского. М.: Наука, 1948. С. 7–217.
- Cylinder – *Цилиндр Кира* / Пер. и ком. М.А. Дандамаева // *Хрестоматия по истории Древнего Востока: в 2 ч.* / Под ред. М.А. Коростовцева, И.С. Кацнельсона, В.И. Кузичина. М.: Высш. школа, 1980. Ч. 2. С. 19–21; *Finkel I. The Cyrus Cylinder: The Babylonian Perspective* // *The Cyrus Cylinder: The King of Persia's Proclamation from Ancient Babylon* / Ed. by I. Finkel. London: I.B. Taurus, 2013. P. 4–34; *Schaudig H. The Text of the Cyrus Cylinder* // *Cyrus the Great: Life and Lore.* Boston, Massachusetts: Plex Foundation; Washington, D.C.: Center for Hellenic Studies, Trustees for Harvard University, 2019. P. 16–25.
- Dem. – *Демосфен. Речи: в 3 т.* / Отв. ред.: Е.С. Голубцова, Л.П. Маринович, Э.Д. Фролов; пер. С.И. Радцига. М.: Памятники истор. мысли, 1996. Т. 3. 624 с.; *Demosthenes. Demosthenis Orationes, 4 Vols.* / Ed. by M.R. Dilts (Oxford Classical Texts). Oxford: Oxford Univ. Press, 2002. V. 1. 352 p.
- Diod. – *Диодор Сицилийский. Историческая библиотека: в 3 т.* / Пер. О.П. Цыбенко. М.: Наука, 2022. Т. 1. 676 с.; *Diodorus Siculus. Library of History, 12 Vols.* / Transl. by С.Н. Oldfather. Cambridge, MA.: Harvard Univ. Press, 1933. V. 1: Books 1–2.34. 512 p.
- Dion. Hal. Ant. Rom. – *Дионисий Галикарнасский. Римские древности: в 3 т.* / Отв. ред. И.Л. Маяк. М.: Рубежи XXI, 2005. Т. 1. Пер. с древнегреч. Н.Г. Майоровой (гл. I–IX), И.Л. Маяк (гл. X–XC). 272 с.

- EA – *Moran W.L.* The Amarna Letters. Baltimore–London: The John Hopkins Univ. Press, 1992. 446 p.; *Rainey A.F., Schniedewind W.M.* The El-Amarna Correspondence. A New Edition of the Cuneiform Letters from the Site of El-Amarna based on Collations of all Extant Tablets. Leiden–Boston: Brill, 2015. V. 1–2. 1672 p.
- FGrHist. – *Jacoby F.* Die Fragmente der griechischen Historiker. Berlin: Weidmann, 1923–1958. Bd.1–3.
- Flor. Epit. – *Флор Луций Анней.* Эпитомы // Малые римские историки. Веллей Патеркул. Римская история. Анней Флор. Две книги Римских войн. Луций Ампелий. Памятная книжица / Изд. подгот. А. Немировским. М.: Ладомир, 1995. С. 99–190.
- Front. Strat. – *Фронтин Секст Юлий.* Военные хитрости (Стратегемы) / Пер. А.Б. Рановича. СПб.: Алетей, 1996. 232 с.
- Hdt. – *Геродот.* История: в 9 кн. / Пер. Г.А. Стратановского. М.: Ладомир: АСТ, 1999. 582 p; Herodotus: 4 Vols. / Ed. by A.D. Godley. London: W. Heinemann; N.Y.: G.P. Putnam's sons, 1921–1925.
- Liv. – *Ливий Тит.* История Рима от основания города: в 3 т. М.: Ладомир, 2002. Т. 1, Кн. I–X. 702 с.
- RIMA. I – *Grayson A.K.* Assyrian Rulers of the Third and Second Millennia BC (to 1115 BC). Toronto–Buffalo–London: Univ. of Toronto Press, 1987. 378 p.
- RIMA. II – *Grayson A.K.* Assyrian Rulers of the Early First Millennium BC (1114–859 BC). Toronto–Buffalo–London: Univ. of Toronto Press, 1991. 448 p.
- RINAP. I – *Tadmor H., Yamada S.* The Royal Inscriptions of Tiglath-pileser III (744–727 BC), and Shalmaneser V (726–722 BC), Kings of Assyria. Winona Lake, Indiana: Eisenbrauns, 2011. 246 p.
- RINAP. II – *Frame G.* The Royal Inscriptions of Sargon II, King of Assyria (721–705 BC). University Park, Pennsylvania: Eisenbrauns, 2021. 622 p.
- RINAP. III – *Grayson A.K., Novotny J.* The Royal Inscriptions of Sennacherib, King of Assyria (704–681 BC). Winona Lake, Indiana: Eisenbrauns, 2012–2014. Pt. 1. 298 p.; Pt. 2. 434 p.
- RINAP. IV – *Leichty E.* The Royal Inscriptions of Esarhaddon, King of Assyria (680–669 BC). Winona Lake, Indiana: Eisenbrauns, 2011. 389 p.
- RINAP. V/1 – *Novotny J., Jeffers J.* The Royal Inscriptions of Ashurbanipal (668–631 BC), Aššur-etel-ilāni (630–627 BC), and Sîn-šarra-iškun (626–612 BC), Kings of Assyria. Winona Lake, Indiana: Eisenbrauns, 2018. Pt. 1. 483 p.
- RINBE. II – *Weiershäuser F., Novotny J.* The Royal Inscriptions of Amēl-Marduk (561–560 BC), Neriglissar (559–556 BC), and Nabonidus (555–539 BC), Kings of Babylon. University Park, Pennsylvania: Eisenbrauns, 2020. 295 p.
- Sallust. Iug. – *Саллюстий Гай Крисп.* Югуртинская война // *Саллюстий Гай Крисп.* Сочинения / Пер., ст. и комм. В.О. Горенштейна; отв. ред. Е.М. Штаерман. М.: Наука, 1981. С. 40–105.
- Suet. Nero. – *Светоний Транквилл Гай.* Нерон // *Светоний Транквилл Гай.* Жизнь двенадцати Цезарей / Пер. М.Л. Гаспарова. М.: Наука, 1993. С. 148–171.
- Tac. Ann. – *Тацит Корнелий.* Анналы // *Тацит Корнелий.* Сочинения в двух томах. Т. 1: Анналы. Малые произведения / Изд. подг. А.С. Бобович, Я.М. Боровский, М.Е. Сергеенко. Л.: Наука, 1969. С. 7–326.
- Theog. – *Феогнид.* Элегии // *Доватур А.И.* Феогнид и его время. Л.: Наука, 1989. С. 147–181 (Прил. 1. Феогнидов сборник / Пер. А.К. Гаврилова); The Elegiac Poems of Theognis // *Elegy and Iambus*, 2 Vols. / English Translation by. J.M. Edmonds. Cambridge, MA.: Harvard Univ. Press; London: William Heinemann Ltd., 1931. V. 1. P. 216–401.

Литература

1. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Рус. язык, 1999. Т. 1. 624 с.
2. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Рус. язык, 1999. Т. 2. 560 с.
3. *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. М.: Рус. язык, 1976. 1096 с.
4. *Oppenheim L.A., Reiner E.* (Eds.). The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago, 21 Vols. Chicago, IL: Orient. Inst., 1964. V. 1 (A), Pt. 1. 428 p.
5. *Reiner E., Biggs R.* (Eds.). The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago, 21 Vols. Chicago, IL: Orient. Inst., 1980. V. 11 (N), Pt. 2. 380 p.
6. *Botterweck G.J. Ringgren H., Fabry H.-J.* Theological Dictionary of the Old Testament, 17 Vols. / Transl. by D.E. Green. Michigan; Cambridge, UK: William B. Eerdmans Publ. Co.; Grand Rapids, 2015. V. 11. 639 p.
7. *Pongratz-Leisten B.* The interplay of military strategy and cultic practice in Assyrian politics // Assyria 1995: Proc. 10th Anniv. Symp. of the Neo-Assyrian Text Corpus Project, Helsinki, September 7–11, 1995 / Ed. by S. Parpola and R.M. Whiting. Helsinki: Neo-Assyrian Text Corpus Project, 1997. P. 245–252.
8. *Holloway S.W.* Aššur is King! Aššur is King! Religion in the Exercise of Power in the Neo-Assyrian Empire. Leiden, Boston, Köln: Brill, 2002. 628 p.
9. *Ладынин И.А.* Реминисценции царствования Сенусерта I в сведениях Гекатея Абдерского и Диодора Сицилийского о царе Сесоосисе // Аегуптиака Rossica (выпуск 3): сб. ст. / Под ред М.А. Чагодаева, Н.В. Лаврентьевой. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2015. С. 136–156.
10. *Postgate J.N.* The land of Assur and the yoke of Assur // World Archaeol. 1992. V. 23, No 3: Archaeology of empires. P. 247–263.
11. *Liverani M.* Thoughts on the Assyrian Empire and Assyrian kingship // A Companion to Assyria / Ed. by E. Frahm. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2017. P. 534–546.
12. *Дворецкий И.Х.* Древнегреческо-русский словарь: в 2 т. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. Т. 1. 1043 с.
13. *Missiou A.* ΔΟΥΛΟΣ ΤΟΥ ΒΑΣΙΛΕΩΣ: The politics of translation // Classical Q. 1993. V. 43, No 3. P. 377–391.
14. *Bridges E.* Imagining Xerxes. Ancient Perspectives on a Persian King. London–New Delhi–N.Y.–Sidney: Bloomsbury, 2014. 246 p.
15. *Anderson M.* The imagery of the Persians // Greece Rome. 1972. V. 19, No 2. P. 166–174.
16. *Dan A.* Grecs et Perses sur les Détroits: le démon enchaîné et la démesure du Grand Roi // Ancient West East. 2015. V. 14, No 1. P. 191–235.
17. *Рунг Э.В.* Греко-персидские войны в поэтической традиции греков: От Симонида Кеосского до Эсхила // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2007. Вып. 4. С. 149–155.
18. *Поникаровская М.В.* Греко-персидские войны в изображении Эсхила // Вестн. СПбГУ. Сер. 2. 2012. Вып. 3. С. 123–129.
19. *Кащеев В.И.* Лозунг освобождения греков в межгосударственных отношениях Восточного Средиземноморья (III – II вв. до н. э.) // Античный мир и археология. 1990. Вып. 7. С. 41–50.
20. *Lil van A.* The pass under the yoke: Denoting the defeated in ancient Italic ritual practice // Kleos. 2020. No. 3. P. 42–63.

Рунг Эдуард Валерьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Древнего мира; профессор кафедры всеобщей и публичной истории

Российский государственный гуманитарный университет

Миусская площадь, д. 6., г. Москва, 125047, Россия

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия

E-mail: eduard_rung@mail.ru

Венидиктова Елена Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и публичной истории

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия

E-mail: e_venidiktova@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2023, vol. 165, no. 4-5, pp. 54–65

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2023.4-5.54-65

**The Yoke as a Metaphor in the Ancient World:
From Symbolizing Imperial Domination to Signifying Subjugation**

E.V. Rung^{a,b}, E.A. Venidiktova^{b**}*

^a*Russian State University for the Humanities, Moscow, 125047 Russia*

^b*Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia*

E-mail: ^{*}eduard_rung@mail.ru, ^{**}e_venidiktova@mail.ru

Received August 1, 2023; Accepted October 1, 2023

Abstract

This article explores the perception of the yoke as a symbol of domination and subordination in texts from Ancient Mesopotamia and the Middle East, as well as from ancient Greek and Roman writings. The metaphor of the yoke is analyzed from the perspective of both the conquerors and subjugated. In the texts of the Assyrian kings, conquest is perceived as the imposition of a yoke, while the fight for independence is portrayed as liberation from it. The Greeks adopted the concept of the yoke from the East, which explains why it was often used to describe the Greco-Persian conflict in the ancient Greek tradition. In many cases, the yoke was not only a metaphor for subordination but also had a military-political meaning. For example, the Assyrians harnessed captives to the royal chariot, while the Romans drove away captive enemies “under the yoke”, which was a structure consisting of two spears or pillars stuck into the ground with a third spear or pillar as a crossbar.

Keywords: yoke, collar, domination, submission, empire

Acknowledgements. E.V. Rung’s study was supported by the Russian Science Foundation (project no. 20-18-00374-P performed at Lobachevsky University).

References

1. Chernykh P.Ya. *Istorko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Vol. 1. Moscow, Russ. Yazyk, 1999. 624 p. (In Russian)
2. Chernykh P.Ya. *Istorko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Vol. 2. Moscow, Russ. Yazyk, 1999. 560 p. (In Russian)

3. Dvoretiskii I.Kh. *Latinsko-russkii slovar'* [Latin-Russian Dictionary]. Moscow, Russ. Yazyk, 1976. 1096 p. (In Russian)
4. Oppenheim L.A., Reiner E. (Eds.). *The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago*. Vol. 1(A), Pt. 1. Chicago, IL, Orient. Inst., 1964. 428 p.
5. Reiner E., Biggs R. (Eds.). *The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago*. Vol. 11(N), Pt. 2. Chicago, IL, Orient. Inst., 1980. 380 p.
6. Botterweck G.J. Ringgren H., Fabry H.-J. *Theological Dictionary of the Old Testament*. Vol. 11. Michigan, IN, Cambridge, UK, William B. Eerdmans Publ. Co., Grand Rapids, 2015. 639 p.
7. Pongratz-Leisten B. The interplay of military strategy and cultic practice in Assyrian politics. In: *Assyria 1995: Proc. 10th Anniv. Symp. of the Neo-Assyrian Text Corpus Project, Helsinki, September 7–11, 1995*. Parpola S., Whiting R.M. (Eds.). Helsinki, Neo-Assyrian Text Corpus Project, 1997. pp. 245–252.
8. Holloway S.W. *Aššur is King! Aššur is King! Religion in the Exercise of Power in the Neo-Assyrian Empire*. Leiden, Boston, Köln, Brill, 2002. 628 p.
9. Ladynin I.A. Reminiscences of the reign of Senwosret I in the works of Hecataeus of Abdera and Diodorus Siculus about the King Sesosis. In: M.A. Chagodaev, N.V. Lavrent'eva (Eds.) *Aegyptiaca Rossica: sb. st.* [Aegyptiaca Rossica: A Collection of Articles]. Moscow, Russ. Fond Sodeistviyu Obraz. Nauke, 2015. pp. 136–156. (In Russian)
10. Postgate J.N. The land of Assur and the yoke of Assur. *World Archaeology*, 1992, vol. 23, no. 3: Archaeology of empires, pp. 247–263.
11. Liverani M. Thoughts on the Assyrian Empire and Assyrian kingship. In: Frahm E. (Ed.) *A Companion to Assyria*. Hoboken, NJ, John Wiley & Sons, 2017. pp. 534–546.
12. Dvoretiskii I.Kh. *Drevnegrechesko-russkii slovar'* [Ancient Greek-Russian Dictionary]. Vol. 1. Moscow, Gos. Izd. Inostr. Natl. Slovari, 1958. 1043 p. (In Russian)
13. Missiou A. ΔΟΥΛΟΣ ΤΟΥ ΒΑΣΙΛΕΩΣ: The politics of translation. *Classical Quarterly*, 1993, vol. 43, no. 3, pp. 377–391.
14. Bridges E. *Imagining Xerxes. Ancient Perspectives on a Persian King*. London, New Delhi, New York, Sidney, Bloomsbury, 2014. 246 p.
15. Anderson M. The imagery of the Persians. *Greece & Rome*, 1972, vol. 19, no. 2, pp. 166–174.
16. Dan A. Grecs et Perses sur les Détroits: le démon enchaîné et la démesure du Grand Roi. *Ancient West and East*, 2015, vol. 14, no. 1, pp. 191–235. (In French)
17. Rung E.V. The Greco-Persian Wars in the Greek poetic tradition: From Simonides of Ceos to Aeschylus. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo Universiteta. Seriya 2*, 2007, no. 4, pp. 149–155. (In Russian)
18. Ponikarovskaya M.V. The retelling of the Greco-Persian Wars by Aeschylus. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo Universiteta. Seriya 2*, 2012, no. 3, pp. 123–129. (In Russian)
19. Kashcheev V.I. The liberation slogan of the Greeks in the Eastern Mediterranean interstate relations (3rd–2nd centuries B.C.). *Antichnyi Mir i Arkheologiya*, 1990, no. 7, pp. 41–50. (In Russian)
20. Lil van A. The pass under the yoke: Denoting the defeated in ancient Italic ritual practice. *Kleos*, 2020, no. 3, pp. 42–63.

Для цитирования: Рунг Э.В., Венедиктова Е.А. Метафора ярма в Древнем мире: от символа имперского господства до символа подчинения // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2023. Т. 165, кн. 4–5. С. 54–65. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.4-5.54-65>.

For citation: Rung E.V., Venidiktova E.A. The yoke as a metaphor in the ancient world: From symbolizing imperial domination to signifying subjugation. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 4–5, pp. 54–65. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.4-5.54-65> (In Russian)